

САША

«Святых на Руси — только знай — выноси».

Александр Башлачев (27 мая 1960 — 17 февраля 1988)

Мы никогда больше не увидим маленького, робкого человека со смешной прядкой русых волос на лбу, с пронзительным взглядом голубых глаз. Его плечи не выдержали груз тревог, забот, страхов и страстей. Он сделал выбор.

Он ушел сейчас, когда, казалось бы, распахнуты окна и сломаны заборы: пиши, пой, живи. Его смерть не только наше горе, но и наша вина: почему же не уберегли? Рок, демократический жанр, не знает табели о рангах, чинов и званий, поэтому положение художника здесь трудно определить одним словом — но ясно, что Башлачев был не просто «одним из лучших». Мы уверены: почти все, что написано мало-мальски стоящего о советской рок-культуре,

не более чем развернутый комментарий к одной-единственной небольшой Сашиной песне — «Время колокольчиков». Можно исписать тысячу страниц, но к этим строчкам не добавишь ничего нового. Удивительно, что человек, сумевший выразить дух и смысл рока в нашей стране, оказался причастен к нему по какой-то совершенно непостижимой логике судьбы. Журналист, выпускник Уральского университета, поэт.

Он сделал решительный шаг и из благополучного журналиста превратился в бродячего музыканта — «из города в город, из дома в дом, по квартирам чужих друзей...», как пел его друг Борис Гребенчиков. Напомним, что на дворе стоял не 88-й, а 84-й — самый мрачный для рока год: процесс «Воскресенья», процесс «Браво»... Оттепель никто и не предвидел (кроме, может быть, самого Саши — «а под дождем оказались разные, большинство-то — честные, хорошие...»), и звание рок-музыканта в сочетании с Сашиной привычкой называть все и всех своими именами сулило отнюдь не рекламу в печати и не гастроли за рубеж.

Он пел сначала по квартирам и подвалам, а потом, когда стало «можно петь», — на знаменитых фестивалях: Ленинградском, Черноголовском, на концерте в честь создания Всесоюзной рок-федерации в Свердловске... До самого последнего времени не соглашался записывать: «мы к этому еще не готовы» — да так и не успел. Хотя, случалось, выходил на сцену в составе импровизированного трио с Костей Кинчевым и Славой Задерием. Создал за эти считанные годы около пятидесяти песен, хотя некоторые — «Ванюша» или «Егор Ермолаевич» — песнями не назовешь, жанр этот пока не имеет названия, но каждая из «больших» вещей Башлачева содержит в себе целый философский мир, как эпические поэмы древности. Саша был человеком, абсолютно чуждым всякой пустой суете, сопровождающей творчество. Он нуждался в деньгах, но выступал не там, где больше заплатят, а там, куда приглашают симпатичные и близкие по духу люди. Он искренне радовался, встречаясь со слушателями, но никогда не стал бы «пробиваться» в престижные залы, в международные шоу, на телеэкран. Подчеркиваем — он не избегал всего этого, он просто был ВНЕ, абсолютно естественно и искренне, может быть, лишая себя каких-то сиюминутных выгод, хотя,

«мертвякам припарки, как живым медали...».

Он говорит: вот вы думаете, что вы хорошие, но это оттого, что давно не гляделись в зеркало. Я ставлю его перед вами — «станут страшным судом по себе вас судить зеркала». Смотрите и кайтесь. Покаяние приведет вас к очищению, очищению через страданье. Саша любит людей. Он поет для того, чтобы сделать их лучше, чище. «Положи меня в воду, научи меня искусству быть смиренным», — говорит Б. Гребенщиков. Положите меня в грязь и пот, кровь и стоны — не для смирения, но для бунта — так у Башлачева. Мы пишем о нем в настоящем времени, потому что он все еще поет:

*«Перегудом-перебором
Да я за разговорами
не разберусь,
Где Русь, где грусть.
Нас забудут, но не скоро,
А когда забудут, я опять
вернусь».*

Илья СМИРНОВ,
Марина ТИМАШЕВА
"Сельская Молодежь" №1'1989